

УЧЕБНИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ШКОЛЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ В.

SCHOOL RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOKS OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Гордиенко О.В.

Заместитель декана филологического факультета по учебной и учебно-методической работе ФГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», доцент кафедры методики преподавания русского языка, кандидат педагогических наук.
E-mail: oxanagord@mail.ru

Салтыкова Н.А.

Соискатель ученой степени кандидата наук по кафедре методики преподавания русского языка ФГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: natali_007_90@mail.ru

Аннотация. В данной статье прослеживается история школьного учебника русского языка на рубеже XIX – XX вв., анализируется влияние исторических событий на развитие теории школьного учебника.

Ключевые слова: учебник русского языка для школы, программы по русскому языку, комплексные программы, элементарные грамматики, практические грамматики, «рассыпные» учебники, учебные книги.

Gordienko O.V.

Vice Dean of the Philological Faculty of the Moscow State Pedagogical University, Assistant Professor of the Russian Language Teaching Methods Department, Candidate of Sciences (Education).

E-mail: oxanagord@mail.ru

Saltykova N.A.

Candidate of Sciences degree seeker at the Russian Language Teaching Methods Department of the Moscow State Pedagogical University.

E-mail: natali_007_90@mail.ru

Annotation. This article explores the history of the school Russian language textbook at the turn of the 20th century, analyzes the influence of historical events on the theoretical development of the textbook.

Key words: the school Russian language textbook, Russian language programs, full programs, basic grammar, practical grammar, «Loose» textbooks, textbooks.

На рубеже XIX – XX вв. наблюдался значительный подъем лингвометодической мысли. К этому времени относится активная творческая деятельность на поприще обучения русскому языку таких выдающихся методистов, как А.Д. Алферов, Н.Ф. Бунаков, Н.С. Державин, Н.К. Кульман, Л.И. Поливанов, В.П. Шереметьевский и др. Разрабатывались новые программы и учебники для разных типов школ и для разных концепций обучения.

Созданные в это время учебники по содержанию и структуре были неоднородны. Одни из них включали только теоретический материал по грамматике с перечислением правил правописания (учебники К.Г. Говорова (1862), А.И. Кирпичникова и Ф. А Гильярова (1867), Л.И. Поливанова (1874), К.А. Козьмина (1884), А.Г. Преображенского (1885), П.В. Смирновского (1885–1888)). Другие давали также тексты для разбора и упражнения, направленные главным образом на выработку у школьников навыков правописания (учебники П.М. Перевлесского (1854–1855), К.Ф. Петрова (1880, 1882), Ф.Х. Абраменко (1907) и др.). Среди учебников особое место занимают «*Опыт исторической грамматики русского языка для средних учебных заведений*» (1858) Ф.И. Буслаева, который, принципиально отличаясь от принятых в то время школьных руководств, исторически освещает разные стороны грамматического строя русского языка, а также «*Родное слово. Год третий. Первоначальная практическая грамматика с хрестоматией*» (1870) К.Д. Ушинского, где основным способом изложения учебного материала является наблюдение над грамматическими законами языка.

Для этого времени характерен поиск возможностей для концентрического построения курса русского языка. Первый Концентрический учебник русской грамматики создал в конце 70-х гг. XIX в. Н.Ф. Бунаков. Сама идея концентрических курсов была заимствована у немецкой методической школы. Нужно добавить, что и по другим школьным предметам тоже создавались концентрические учебники, например «Концентрический учебник физики» И.И. Косоногова.

В XIX в. учебники для школ печатались с разрешения Министерства народного просвещения, имели гриф «рекомендовано», «одобрено» или «допущено» и строго делились на руководства и пособия. Хотя надо заметить, что четко определить цель такого ранжирования трудно, кроме того, нам не удалось обнаружить документа, который бы регламентировал применение руководств и пособий (можно лишь предполагать, что руководства были основными, а пособия вспомогательными учебными книгами).

Основной перечень учебников, выпущенных в XIX в. и утвержденных Министерством народного просвещения дан в книге «Систематический обзор русской народно-учебной литературы. Составлен по поручению комитета грамотности, состоящего при вольно-экономическом обществе, специальной комиссией» (СПб., 1878, доп. I, СПб., 1882) и в «Истории русской педагогии» М.И. Демкова в главе «О старых русских учебниках и руководствах» (ч. I, Ревель, 1895; ч. II, СПб., 1897).

К началу XX в., по замечанию М.Т. Баранова [1, с.7], возникло новое поколение учебных-педагогов, получивших прекрасное лингвистическое и психологическое образование (изучивших идеи формально-грамматической школы Ф.Ф. Фортунатова, психологической – А.А. Потебни, сравнительно-исторической – А.И. Соболевского, А.А. Шахматова), которое они применяли к решению проблем преподавания русского языка в школе и ко-

торое находило отражение в учебниках, методических руководствах и деятельности методистов того времени (Л.И. Поливанова, Н.Ф. Бунакова, И.П. Плотникова, Н.К. Кульмана и др.).

Сложилась ситуация, когда в одних школах обучали детей по «буслаевским» учебникам русского языка (таким, например, как «Практическая этимология русского языка» Ф.А. Абраменко, «Новая практическая грамматика...» И.Н. Шапошникова, «Элементарная грамматика русского языка...» В. Сиповского, «Элементарно-практический курс русской грамматики» А. Лаврова, «Практический учебник русской грамматики» И. Ширяева), а в других школах использовали «потебнианские» (например, «Грамматику русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского, Е.Ф. Будде, В. Харциева и др.) и «фортунатовские» учебники (в частности, учебные книги А.М. Пешковского «Наши языки», «Первые уроки русского языка» в соавторстве с М.Н. Андреевской, А.П. Губской).

Необходимо отметить, что учебники буслаевской школы не были однотипными по целям, которые авторы ставили перед учащимися, по содержанию и способу изложения материала. Все учебники этой школы следует разделить на три категории: а) элементарные грамматики, б) грамматики, удовлетворявшие требованиям различных ступеней школьного образования (младших и средних классов) и в) грамматики для старших классов.

Соотнесение старых и новых подходов в лингвометодике требовало осмыслиения и обсуждения в педагогических кругах. Это способствовало тому, что в 1903 г. состоялся Первый съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений России, который, по словам исследователя истории лингвометодики В.Д. Янченко [23, с. 28], определил приоритеты и пути развития отечественного просвещения в XX в.

На съезде особенно бурно обсуждались проблемы преподавания грамматики русского языка в школе, многие высказывались за пересмотр программы курса грамматики русского языка в школе. Так, Н.К. Кульман настаивал на необходимости элементарно-практического курса грамматики, подразумевая, что грамматика для школ «должна быть практической по целям и элементарной по содержанию» и не должна содержать «методических рассуждений, которые только связывают преподавателя, а ученикам ничего не дают» [10, с. 1]. По мнению Н.К. Кульмана, «учебник грамматики должен быть для учеников справочником по вопросам, предварительно разработанным путем классных бесед» [10, с. 1].

Эти идеи в дальнейшем нашли реализацию в учебниках этого методиста «Элементарно-практическая грамматика русского языка. Этимология» (1913) и «Элементарно-практическая грамматика русского языка: Синтаксис» (1919). В учебниках Н.К. Кульмана, в соответствии с изложенными им задачами, даны отдельно теоретическая часть, раскрывающая теоретические понятия элементарно-практического курса на основе лингвистических представлений, характерных для того времени, и практическая – «Упражнения», – которая сознательно вынесена автором «за пределы грамматического текста, так как материал для упражнений, помещенный в тексте, чрезвычайно мешает ученикам отыскивать то, что им нужно» [10, с. 1]. В качестве приложения дан краткий орфографический словарь и алфавитный список первообразных слов с буквой «ять».

Особым событием в школьном образовании в целом и в преподавании русского языка в частности стал выпуск в 1915 г. книги «Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра

народного просвещения». Опубликованные программы (часто называемые по фамилии министра народного просвещения того времени графа П.Н. Игнатьева «игнатьевскими») провозгласили русский язык важнейшим образовательно-воспитательным предметом, целью преподавания которого являлись:

«1) выработка в учащихся сознательного отношения к важнейшим особенностям грамматического строя родного языка, как в его настоящем состоянии, так и в историческом его развитии;

2) обогащение собственного языка учащихся новым языковым материалом и развитие в них навыков свободной, правильной и красивой устной и письменной речи;

3) развитие мышления учащихся и воспитание их эстетических чувств на материале, который, в силу своей художественной образности, наиболее доступен для непосредственного восприятия и глубоких переживаний ребенка и юноши...» [13, с. 11].

Программа занятий по русскому языку включала курс этимологии и синтаксиса (1-3 классы) и курс истории русского языка (7 класс), а также письменные работы разных видов и характера. В качестве цели обучения грамматике программа выдвигала элементарно-практическое обучение орфографии, пунктуации и основным явлениям стиля. Результатом изучения грамматики должно было быть сознательное отношение учащихся к строю своей устной и письменной речи.

Авторы программы писали: «...самый метод обучения грамматике должен заключать в себе начало сознательности, вследствие чего догматический метод или книжный способ преподавания грамматики, основывающийся только на памяти учеников, должен быть устранен. Никакие грамматические познания не сообщаются ученикам в готовой форме, а добываются ими путем наблюдений над фактами речи, под руководством учителя, который своими вопросами подготавливает их к выводам...Что же касается определений и формулированных выводов, то они служат только средством закрепления в памяти учащихся знаний в сжатой словесной форме, но отнюдь не должны заменять понимание грамматических явлений...» [13, с. 14-15]. К сожалению, как отмечает А.В. Текучев, «игнатьевские» программы никогда не были реализованы полностью, даже частичное применение их в школьной практике было кратковременным (1915–1916 гг.) [21, с. 17].

В соответствии с идеями Н.К. Кульмана и программой русского языка 1915 г. был создан один из самых популярных учебников по русскому языку для школы – «Маленькая грамматика» проф. Н.С. Державина, которая в течение 1918–1919 гг. издавалась четыре раза общим тиражом 40 000 экземпляров. В предисловии к своему учебнику Н.С. Державин писал, что грамматика должна занимать второстепенное место в общей системе занятий родным языком, что «в основе занятий грамматикой должна лежать практическая работа учащихся над текстом» [3, с. 5]. Но в отличие от учебника Н.К. Кульмана, «Маленькая грамматика» Н.С. Державина построена на сочетании текстов, заданий к ним и теоретических материалов.

Перечень основных дореволюционных изданий учебников русского языка содержится в книге Н.М. Соколова и Г.Г. Тумима «Кабинет родного языка. Систематический указатель книг и пособий по преподаванию русского языка на 1 и 2 ступени обучения», опубликованной в 1917 г. в Петрограде издательством «Жизнь и знание».

В 1918 г. в связи со сменой политического строя был провозглашен лозунг, в соответствии с которым «школа должна была быть построена на идее общего и одинакового преподавания для всех, на развитии самостоятельности личности и ее природных задатков, на новом понимании школьной дисциплины, на применении новых методов преподавания, цель которых – учить детей не словам, а вещам – и тем будить в них с самого начала самостоятельность мысли и воли, – наконец, на упрощении формальной стороны обучения элементарным навыкам чтения, письма и счета» [14, с. 372].

На Первом съезде по народному образованию, состоявшемся 16 октября 1918 г., было принято «Положение об единой трудовой школе», согласно которому «Основой школьной жизни должен служить производительный труд... не только как метод преподавания, но именно как производительный, общественно необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещющим светом знания всю окружающую жизнь» [2]. Единая Школа разделялась на две ступени: 1-ю – для детей в возрасте от 8 до 13 лет (5-летний курс) и 2-ю – для детей от 13 до 17 лет (4-летний курс); посещение школы 1-й и 2-й ступеней было объявлено обязательным для всех детей соответствующего возраста. Тем же положением (ст. 19) отменялись все экзамены (вступительные, переходные и выпускные).

Воплощение этих идей потребовало не только создания сети новых школ, но и разработки новых программ по русскому языку и новых учебников.

В это время в стране сложились два противоборствующих лагеря по отношению к обязательности школьного учебника вообще. В августе 1918 г. вышло циркулярное письмо Отдела единой трудовой школы, в котором указывалось, что «учебники вообще должны быть изгнаны из школы». Это письмо было составлено пролеткультовцами, сотрудниками Наркомпроса (Народного комисариата просвещения – руководящего органа в области образования). Им противостояли Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, П.П. Блонский, А.П. Пинкевич, которые резко отрицательно отзывались об идее упразднения учебников. Ситуация усугублялась тем, что негде было печатать новые учебники, негде взять на них бумагу, краску и т.д. «Оборудование школы было самое жалкое, – писала Н.К. Крупская. – Бумаги не было. Тот крутой перелом, который произошел в жизни страны, создал на фронте учебников полную катастрофу» [8, с. 3]. Ее мысль продолжает А.В. Луначарский: «...Без учебника, который дает фактический материал, дает известную систему, дает возможность ученику навести справку, проверить себя, обновить в памяти раз слышанное, работать учителю было неизмеримо трудно, а ученикам отсутствие учебника мешало самостоятельности, делало всецело зависимыми от учителя. Становилось все очевиднее, что учебник является таким же орудием труда, как доска и мел, письменные принадлежности, счеты и пр.» [11, с. 20].

Как заметила А.В. Прудникова, исследователь учебников русского языка, в 20-е гг. «каждый автор искал на свой страх и риск новые пути, не доверяя старым, и не было учебника, составители которого пришли бы к согласию между собой хотя бы в основных положениях, не говоря уже о деталях» [19, с. 89]. Т.С. Макарова и В.Г. Безрогов пишут о том, что в 1918–1923 гг. происходила по преимуществу «косметическая перестройка» дореволюционных учебников русского языка, их «советизация» [12, с. 6]. Иногда такая переделка приводила к курьезам: например, вместо слов из дореволюционного учебника «по своей и бо-

жьей воле» авторы нового учебника вставляли «по своей мужичьей воле»; букварь Горбца отличался от дореволюционного издания изображением флага РСФСР и серпа и молота [22, с. 357]. Позднее в усовершенствованных учебниках появился новый дидактический материал, в котором отразились реалии того времени: тексты об избах-читальнях, пионерах, тракторах, бедняках и кулаках.

Исследователи (Ф.А. Фрадкин, Л.И. Богомолова, Т.С. Маркарова, В.Г. Безрогов и др.) обращают внимание на то, что в учебниках этого времени не нашли отражения качественно новые методы и материалы. Только восемьмилетие 1924–1931 гг. ознаменовано опытом кардинального изменения структуры преподавания и появлением первых «собственно советских» школьных учебников. Такое положение было связано отчасти и с отсутствием в 20-е гг. обязательных школьных программ по русскому языку.

Первые программы, созданные после революции (программа Наркомпроса 1918 г.; программа для школ Москвы и Московской губернии 1921–1922 гг., составленная Научно-методической секцией Московского отдела народного образования; так называемая петроградская программа 1921 г.), были примерными и необязательными, что было обусловлено демократическими принципами, на которых начало строиться Советское государство.

Учителям и школьным методическим комиссиям предоставлялась полная свобода для создания собственных программ, для творчества на уроках. Более того, первые программы (1918–1922 гг.), очерчивая примерный круг знаний, умений и навыков, которыми должны были овладеть учащиеся, давали возможность учителям самостоятельно определять объем и, отчасти, содержание учебного курса родного языка.

От дореволюционных программы 1918–1922 гг. отличались двумя принципиальными изменениями:

- требованием максимального сближения школы с жизнью общества;
- трудовой основой преподавания: «Трудовая школа должна научить работать, должна привить прежде всего известные методологические и практические навыки. Наука и труд скрещиваются в своих влияниях: наука учит видеть и понимать лучшие, совершенные формы жизни, труд создает эти формы живой действительности, как создал он и современную науку» [18, с. 3].

Эти общеполагающие принципы нашли отражение в краткой пояснительной записке к плану занятий по родному языку. В ней указывается, что «труд как метод преподавания... должен быть понимаем применительно к кругозору учащихся в самом широком смысле этого слова, сливаясь, с одной стороны, с областью художественного творчества и, с другой, расширяясь до понятия свободной самодеятельности учащихся к проходящему учебному материалу» [18, с. 3]. По-новому, сравнительно с дореволюционной школой, ставили вопрос о целях и содержании обучения русскому языку. На первое место выдвигалось изучение живого языка, усвоение навыков устной и письменной речи, четко обозначалась практическая направленность занятий, указывалось на необходимость связи их с жизнью; грамматика рассматривалась как учебная дисциплина, имеющая большое образовательное значение, а орфография и пунктуация отодвигались на второй план.

Таким образом, до 1920 г. школа не имела общегосударственной программы изучения русского языка, а с 1922 по 1927 гг. шел поиск новой системы обучения. Государствен-

ный ученый совет при Наркомпросе (ГУС) – единственный центр научно-методической мысли – ежегодно менял программу школьного обучения.

В 1922 г. Государственным ученым советом была принята схема комплексных программ, согласно которой учебные предметы (в том числе и русский язык) не изучались, а все необходимые сведения, которые должна была дать школа учащимся, группировалась в три цикла: 1) природа и человек, 2) труд, 3) общество. В соответствии с этой схемой русский язык как предмет был исключен из учебных планов. Предполагалось, что русскому языку можно обучать попутно, в процессе изучения естествоведческого или обществоведческого материала.

В этот период не создавалось специальных учебников русского языка, в основном преобладали «рабочие книги» (в них задания в максимальной степени были рассчитаны на самостоятельную подготовку учащихся, на самостоятельное решение ими задач, связанных с изучением конкретных тем), учебник-газета, учебник-журнал. Материал в таких учебниках был расположен так, что читать его нужно было не подряд, а отдельными блоками, как газету или журнал, иногда – поворачивать боком или сверху вниз, разрезать на части для выполнения заданий (см., например, Октябрята на учебе: журнал-учебник для 2-й группы школ I ступени. – М., 1932. – №1). Использовались и так называемые рассыпные учебники (альбомы, состоявшие из отдельных тетрадок, которые были сброшюрованы в соответствии с темами, разделами и которые по мере необходимости можно было группировать в различном порядке) [5, с. 20–22].

При разработке «рассыпных» учебников 20-х гг. стремились по возможности учесть новые требования, согласно которым: «...в каждом советском учебнике должна быть отчетливо выражена классовая партийная позиция автора» [22, с. 353], «...сам по себе материал должен быть ценен с точки зрения развития ученика, уяснения для него окружающей действительности... этот материал должен быть правильно выбран с психологической точки зрения: быть связан с эмоциональными переживаниями учеников, доступен им по содержанию, достаточно конкретен и образен, ясно изложен» [9, с. 179], «...новым учебником может быть лишь такой учебник, который не только дает новое содержание, но и наталкивает на новые методы работы учителя и учеников, вызывает последних на самодеятельность, на исследование, на творчество, связывает знания с трудом, с производством, дает указание относительно творческих навыков и умений» [4, с. 8], «...нужно, чтобы учебник волновал, чтобы он был бодрый, интересный, с шуткой, загадкой, с зовом вперед, чтобы он вызывал желание: «Ну-ка, я попробую, может, что-нибудь выйдет»» [6, с. 40] и др.

Наиболее интересным учебным пособием того времени является книга А.М. Пешковского «Наш язык» (1922–27 гг.). Учебник был высоко оценен лингвистами того времени, например, в рецензии на указанную книгу С.И. Карцевский писал: «Появление учебников А.М. Пешковского является чрезвычайно крупным, прямо революционным событием в истории преподавания родного языка... Автор произвел колossalную работу... и прошел ее чрезвычайно оригинально, освобождая от всяких шаблонов и традиций. С прошлым покончено, разрыв произведен. Все дальнейшие попытки перестроить преподавание родного языка не только принуждены будут отправляться от трудов Пешковского, но и будут значительно облегчены, так как могут использовать его опыт» [7, с. 24].

Выпуская в свет первое издание «Нашего языка», А.М. Пешковский в предисловии так сформулировал идеи своей методической системы:

«1. Ввести в сознание учащихся определенную сумму научных сведений о родном языке, ни на йоту не искаженных традициями школьной грамматики.

2. Сделать это силами самих учащихся, не давая ни одного готового материала, а лишь... руководя незаметно для самого учащегося процессом грамматического осмысливания этого материала.

3. Посильно изощрять на этом процессе мыслительные способности учащихся.

4. Посильно изощрять на том же процессе его сенсорные способности.

5. Прикреплять ко всей этой работе по возможности и работу по приобретению навыков и работу по развитию речи» [17, с. 6].

С учетом идей «Нашего языка» в 1925 г. был создан учебник И.Р. Палея «От станка к книге. Год лабораторной работы по родному языку» – на титуле указано, что вышел он под редакцией А.М. Пешковского.

Структура этих книг включала рубрики с заданиями на толковое чтение (задача – выработать сознательное выразительное чтение путем вопросов и бесед, путем чтения по плану, путем наблюдения над интонацией и т.д.), наблюдение над языком (изучались интонация, ритм, служебные слова), правописание (употребление знаков препинания, прописных букв, служебных слов, в связи с наблюдением над языком, упражнения, направленные на выработку орфографических навыков путем сознательного списывания), развитие речи (составление деловых бумаг, планов, конспектов, тезисов; самостоятельные коллективные работы). Все занятия были «тесно связаны с вопросами обществоведения» [16, с. 5].

В качестве основного метода изучения русского языка в школе в 20-е гг. предлагался метод наблюдения над языком. Так, в *Грамматике русского языка* А.В. Миртова было отмечено, что «оговорка, описка, народная форма, фраза, необычно построенная – все это может быть исходным пунктом для наблюдения над языком» [15, с. 5]. Автор советовал учителям в качестве отправных точек для самостоятельных наблюдений учащихся давать примеры из народной речи, а каждое обобщение закреплять в сознании учащихся длинным рядом примеров (от 10 до 30) и предлагать коллективную работу всему классу, например: подобрать общими силами 50 слов, которые бы иллюстрировали изучаемое явление.

Обучение по комплексным программам привело к тому, что, по свидетельству А.В. Текучева, к 1927 г. «безграмотность учащихся... достигла угрожающих размеров» [20, с. 44]. По данным, приведенным русским политическим деятелем П.Н. Милюковым в книге «Очерки по истории русской культуры», на 17 декабря 1926 г., согласно переписи, предпринятой специально ввиду введения всеобщего обучения, безграмотность населения СССР в целом достигала 60,4%. [14, с. 436–437].

Так как эффективность комплексного метода преподавания вызывала сомнения, сначала было разрешено преподавать «вне комплекса» математику, физику, естествознание, позже – родной язык. После того как метод проектов был признан ошибочным, из пользования были изъяты свыше 200 млн. учебников, вышедших за это время по всей стране [12, с. 7].

В учебных планах и программах 1927 и 1929 гг. было восстановлено предметное обучение (русский язык изучался наравне с математикой, физикой, естествознанием и обществознанием по 4 часа в неделю каждый год обучения) и были сформулированы требования к теоретическим сведениям по грамматике, общему языкоznанию и истории языка.

В 1928 г. выходят в свет «Первые уроки русского языка. Грамматика, правописание, развитие речи, стиль» А.М. Пешковского, М.Н. Андреевской, А.П. Губской, «Учебная книга по русскому языку. Грамматика и правописание» Д.Н. Ушакова и др. В указанных учебниках на первом плане оказались теоретические сведения. Выступая на Всероссийской конференции преподавателей русского языка и литературы, профессор Д.Н. Ушаков в своем докладе говорил о том, что выдвижение на первый план теоретических сведений по языку было вызвано желанием авторов показать учителям то новое, что несет с собой новая программа.

Особенностью программ 1929 г. было увеличение количества часов по русскому языку и выделение в особый раздел перечня навыков учащихся.

Утилитарная направленность программ ГУСа была обусловлена трудностями становления новой политической системы в разоренной стране, широкой ликвидацией безграмотности. Это естественно привело к резкому снижению теоретического уровня учебников.

Таким образом, анализ учебников периода конца XIX – первой трети XX вв. дает богатый материал для понимания культурно-исторической ситуации в России того времени, а также имеет несомненную ценность для истории дидактики и методики преподавания русского языка.

Список литературы:

1. Баранов, М. Т. Первый съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений России (1903 год) и его место в истории методики преподавания русского языка / М. Т. Баранов // Истоки методики русского языка и литературы в ХХ веке: к 90-летию Первого съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений России (1903–1993) / сост. проф. М. Т. Баранов. – М., 1993.
2. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libussr.ru>.
3. Державин, Н. С. Маленькая грамматика / Н. С. Державин. – Изд. 2-е. – М.; Пг., 1922.
4. Есипов, Б. П. О новом учебнике / Б. П. Есипов // На путях к новой школе. – 1924. – № 3.
5. Записка А. Стецкого и К. Николаевой в Политбюро ЦК ВКП(б) от 9.12.1932 // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Историю – в школу: создание первых советских учебников. – М., 2008.
6. Зеленко, А. У. Об учебниках, приспособленных к работе по методу проектов / А. У. Зеленко // На путях к новой школе. – 1931. – № 1.
7. Карцевский, С. И. Еще к вопросу об учебниках А.М. Пешковского / С. И. Карцевский // Родной язык и литература в трудовой школе. – 1928. – № 1.

8. Крупская, Н. К. К вопросу о новых учебниках / Н. К. Крупская // На путях к новой школе. – 1924. – № 3.
 9. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 10 / Н. К. Крупская. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962.
 10. Кульман, Н. К. Элементарно-практическая грамматика русского языка. Этимология. Для учащих / Н. К. Кульман. – СПб., 1913.
 11. Луначарский, А. В. Вопросы народного образования / А. В. Луначарский. – М., 1926.
 12. Маркарова, Т. С. Партийное возвращение к чистой человечности / Т. С. Маркарова, В. Г. Безрогов // «Букварь – это молот». Учебники для начальной школы на заре советской власти, 1917–1932 гг.: сб. науч. тр. и материалов / под ред. Т. С. Маркаровой, В. Г. Безрогова. – М., 2011.
 13. Материалы по реформе средней школы. Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра Народного Просвещения. – Пг., 1915.
 14. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 2: Вера, творчество, образование (ротапринтное издание). – М., 1994.
 15. Миртов, А. В. Грамматика русского языка / А. В. Миртов. – Полтава, 1924.
 16. Палей, И. Р. От станка к книге. Год лабораторной работы по русскому языку / И. Р. Палей ; ред. грамматич. части А. М. Пешковского. – М., 1925.
 17. Пешковский, А. М. Наш язык / А. Пешковский. – М. – Пг., 1923.
 18. Примерная программа по русскому языку. – М.: Наркомпрос, 1918.
 19. Прудникова, А. В. О методах изложения теоретического материала в учебниках русского языка для средней школы / А. В. Прудникова // Проблемы школьного учебника. – М., 1974. – Вып. 1.
 20. Текучёв, А. В. Знаменательные вехи в истории методики преподавания русского языка в средней школе / А. В. Текучёв // Русский язык в школе. – 1967. – № 5.
 21. Текучёв, А. В. Из истории создания программ и определения содержания предмета «Русский язык» / А. В. Текучёв // Методика русского языка в средней школе. – М., 1980.
 22. Фрадкин, Ф. А. Первые концепции советского школьного учебника и их воплощение / Ф. А. Фрадкин, Л. И. Богомолова // Проблемы школьного учебника. – М., 1990. – Вып. 19.
 23. Янченко, В. Д. Научное наследие в области методики преподавания русского языка последней трети XX века – учителям-словесникам / В. Д. Янченко. – М., 2011.
-

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2013, № 1